

© 1993 г. ХЭМП Э.

К МЕТОДИКЕ АНАЛИЗА ИСТОРИКО-ФОНЕТИЧЕСКИХ АНОМАЛИЙ. ИНДРА, ЕГО ЛУК И ВИНОГРАДНАЯ ГРОЗДЬ

В языке прасун существуют два слова, которые обнаруживают сходные аномальные изменения начальных консонантных групп. Моргенштерн замечает: «Утрата *d* в *rasik* "виноградная гроздь": кати *drōs*; (*w)urū* "лук": кати *d(u)rū* остается необъясненной» [1, с. 209]. В прасунском следовало бы ожидать для этих слов нечто вроде ***dasik*, *dū*.

На той же странице Моргенштерн делает заявление, которое кажется удивительным и несомненно должно быть признано (хотя бы отчасти) ошибочным: Среди «прочных примеров на *ir*» мы находим *wīrū* "радуга" (далее не дается никаких уточнений). Данная форма приводится в Словаре как *wīrū* [1, с. 278] без комментариев. Можно с уверенностью игнорировать начальное *w*. «Первоначальное распределение этих звуков (*y*- и *w*-) было в значительной степени нарушено» [1, с. 207, см. еще § 17, с. 198]. Но это — безусловный прасунский эквивалент для кати *indrō*, которое упомянуто в [2, с. 163]. Это слово объяснено в другом месте в связи с фиксацией его в других нуристанских диалектах. Не может быть сомнений в том, что в данном случае мы имеем древнее сложение (ср. ударение в прасунском!): **Indra-droṇa-*, со своеобразной гаплоглией. Но кроме гаплоглии, кажется, здесь имеет место еще и оглушение; следовало бы ожидать **(*w)idrū* или даже **(*w)idū*. И тогда гаплоглия может рассматриваться просто как особый случай диссимиляции. Таким образом (*w)urū* = *indrō* прямо свидетельствует об очевидной диссимиляции в данном устойчивом словосочетании. В то же время не совсем ясно: обязано ли вайгальское *indrūŋ*, названное Моргенштернне "особым случаем" [3, с. 164], своим *nd* на месте *n* < **nd* той же диссимиляции или позиции перед *r*?

Оглушение в прасунском может также отражать дальнейшую скрытую контаминацию. В кати также имеется слово *indrīṣṭ* "землетрясение, катастрофа" [2, с. 163]. Возможно, мы наблюдаем здесь интерференцию прасунского эквивалента, представленного в простейшей форме *ir'is* "лавина, снежный обвал" = кати *trus*, вайгали *trōs*.

В [2, с. 163] мы читаем, что у прасунов Индра любит вино и почитается во время празднеств в честь сбора винограда. Это совпадение едва ли случайно. Аномальная потеря начального **d*- точно соотносится с этими двумя фактами культуры: связь Индры в религии и мифе с виноградной гроздью (**drās-*), а в словосложении и в ремесленной терминологии того времени — с луком (**droṇ-*). Мы можем в таком случае предположить, что сочетание форм **Indra-* + *drās-* и **Indra-* + *droṇ-* дало частично диссимилированные последовательности в прасунском: **I(n)dra-rās-*, **I(n)dra-roṇ-*. В таком случае отмеченные в кати варианты *d'urū* [2, с. 172], *d'rū* [2, с. 174], *drū* [2, с. 188] не играют роли в объяснении данной утраты и предположительно должны рассматриваться как исключительно внутренние, не выполняющие смыслоразличительной функции колебания в этом языке.

Замечу, что указанные диссимиляции имели место достаточно поздно, ибо новый начальный *r*- (*rasik*, (*w)urū*) избежал развития в *z*-, подобно тому, как это произошло с первичным *r*- [1, с. 207].

Моргенстерьерне отмечает в другом контексте [3, с. 162] нерегулярность «как и в других кафирских языках» вайгальского *drās* с -s, соответствующим скр. *kṣ*. Я бы предпочел рассматривать это слово как заимствование из более раннего прасунского, принимая во внимание роль государства прасунов как религиозного и обрядового центра для всех говорящих на нуристанских языках. Таким же образом можно видеть культурное заимствование в вайгальском *uīṣ* "великанлюдоед": (скр. *yakṣa-*)¹.

Здесь мы находим проявление фольклора в живых языковых выражениях.

В ходе изложенной аргументации нам удалось соотнести фонологическое развитие (**d* > "ноль") в фонологическом контексте (*r*) с определенным культурным фактом (а именно — с богом Индрой, включая присущие ему атрибуты). Первоначально предполагалось, что такое развитие было аномальным, поскольку контекст *r* не был сам по себе достаточным для предсказания или объяснения подобного результата. В действительности мы устранили эту кажущуюся нерегулярность, обогатив контекст за счет включения фонологического результата в план наблюдаемого культурного соответствия. Теперь можно представить наше объяснение схематически:

нуристани **d* > прасун "ноль" / [Верховное божество] + — [r]
 [Первичное определение]

→ / [indra-] + — [r] или
 [indr()] + — [r]

Существенно наблюдать регулярные случаи и предсказуемые соответствия. Но этого недостаточно. Необходимо строить гипотезы о тех механизмах, которые здесь действуют. И это самое главное, жизненная часть того, что часто называется "объяснительной теорией". Поэтому следует искать удовлетворительное объяснение тем, по-видимому, родственным, но все же различным явлениям диссимиляции, которые имели место в обнаруженных нами фонологических последовательностях.

Начнем с **Indr(a)-* + *drās-* и **Indr(a)-dron-* (скр. *indra-dhanūṣ* "радуга"). Ясно, что для получения прасунского результата необходима диссимиляция второго *d*:

**dr(-)dr* > прасун **dr-r*.

Новый начальный *r*- стал затем продуктивным и распространился на все контексты, в которые могли войти "лук; дуга" и "виноградная гроздь" (цыган. *drak̥*, скр. *drākṣā*).

Установив это, мы видим, что для объяснения кати *indrō* и вайгали *indrūj* нет необходимости предполагать отдельную диссимиляцию или полную гаплогогию. Вместо этого мы предположим, что описанная выше простая диссимиляция **d* была общей для всех нуристанских языков, так что прасун разделил судьбу всей данной языковой ветви.

Таким образом, не было необходимости разрабатывать изолированную диссимиляцию для получения кати *indrō* и вайгали *indrūj*, эти формы являются непосредственным результатом упрощения составных групп, содержащих геминату:

**(n)drt* > *(n)dr*.

¹ В принципе необходимо для начала устоять против искушения искать объяснение какого-либо языкового факта в заимствовании. Поскольку назначение языка — коммуникация, нам прежде всего следовало бы ожидать, что в истории слова должно анализироваться последовательное развитие, которое является результатом преемственности. И лишь после того, как мы исчерпаем приемлемые возможности подобного объяснения, можно признать источником какого-то слова заимствование — при условии установления надежного культурного обоснования.

Теперь, если мы свяжем кати *indrīṣṭ* "землетрясение" с *trus*, вайгали *trōs* (скр. *trāsa-* "страх, трепет", *trasa-* "передвижение"), применив реконструкцию **indr(a)-trasti-* (или нечто подобное), то можно пересмотреть нашу начальную формулировку, включив туда также диссимиляцию -*tr*:

**dr()-tr* > нуристани **dr-r*.

Таким образом, здесь перед нами просто дентальная диссимиляция. Это непосредственно объясняет кати *indrīṣṭ* при использовании кати-вайгальского правила.

Теперь осталось объяснить только прасун. *witr'ū* (NB *tr!*). Помня свидетельство прасун. *it'us* < **trāsa-*, мы можем предположить, что унаследованный **indr(r)ōs-* (или под.) ранее существовал в протопрасунском. В это время еще было возможно установление семантической связи между **indr(r)ōs* и **trōs*. Таким образом была создана новая слитная форма **intr(r)ōs*. Теперь, после сказанного, представляется возможным, что в языке прасун **intr-* была принята как комбинированная форма для *Индры*. В любом случае, каковы бы ни были детали, на такой модели, как **intr(r)ōs*, в прасуне была создана новая форма для значения "радуга" на базе **rū* "лук": **intr(r)ū* > *witr'ū*, как показано в нашем исследовании.

Предложенное объяснение требует только одного умозрительного предположения для раннего прасунского (привлечение формы **trōs* или под.) в добавление к очень простому правилу дентальной диссимиляции, правилу, приложимому ко всем нуристанским языкам. Каждое предлагаемое историческое объяснение должно подлежать оценке в соответствии со своей реальной значимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Morgenstierne G. The Language of the Prasun Kafirs // NTS. 1949. 15
2. Morgenstierne G. Some Kati myths and hymns // Acta Orientalia, ediderunt Societates Orientales Danica, Norvegica, Svecica. V. 21. Pt. 3. Copenhagen, 1951.
3. Morgenstierne G. The Waigali language // NTS. 1954. 17.

Перевела с английского Павлова Е.С.